

НЕГАСИМЫЙ СВЕТ ДОБРОТЫ

Современники М. П. Мусоргского о человечности и доброте композитора

25 НОЯ 1982

Г. Мосина
СОВЕТСКИЙ РОССИЯ

К пониманию музыки Мусоргского у каждого, вероятно, свой путь. Моя тропка к композитору началась не с концертного зала, а с большой палаты. С музыкой гениального земляка я познакомился благодаря соседу по койке, ленинградцу, которому близкие принесли проигрыватель с пластинками. Здесь же, в больнице, я перечитал о Мусоргском все, что нашел в библиотеке, и когда вернулся домой, то сразу же поехал в Кареве.

Не думал я тогда, что первая встреча с каревскими старожилыми Алексеем Николаевичем и Александрой Ивановной Прокошенко обернется многолетней дружбой. Все эти годы по журналистской привычке я записывал воспоминания Прокошенко и других стариков, родители которых видели живого Мусоргского. Старики бесхитростно делились всем, что помнили сами, и тем, что передавалось из поколения в поколение. Они не раз повторяли, что у Мусоргских и Чириковых «вся природа добрая, с пониманием к нам, простым, относились».

И вот совсем недавно, перечитывая самое полное собрание писем Мусоргского, выпущенное издательством «Музыка», я вдруг обратил внимание на особую деликатность автора. Стал перечитывать еще более внимательно, с пристрастием, и поразила: в каждом письме — величайшая чуткость! Казалось, что Мусоргский никогда не снисходил до земных мелочей и передраг быта. И это композитор, познавший жизнь без прикрас и создавший множество музыкальных образов — ярких, живых, со свойственными человеку слабостями. Однако в письмах своих этот тонкий знаток людской психологии не позволял себе недоброжелательно, нетактично отозваться о ком-нибудь, заниматься пересудами, «перемыванием костей» не только друзей, но и противников. Свою точку зрения он отстаивал, пользуясь высшей формой деликатности, и высказывал ее не другим на пересуды, а конкретному лицу, «за глаза только то, что в глаза». В таком, например, духе: «Ваше письмо горячее, недержанное, но спасибо за него», или: «Письмо ваше — побуждение досады», или еще мягче: «Предубеждение с вашей стороны», «Во избежание беспокойства для вас»... Нередко он решал конфликт с помощью шуток, юмора — тонкого, умного, доброжелательного.

Может быть, эта сверхделикатность присутствует лишь в письмах? Ответить на этот вопрос лучше всего словами Мусоргского: «Я человек, и мне доступны все человеческие гадости, как и некоторые хорошие стороны... Только дай волю страстям... Не давал в этом отношении и не дам, пока сил хватит. Завиднее всего спокойная совесть».

Не давать волю страстям... Легко написать, но как исполнять это в жизни, где столько причин и поводов для конфликтов, где даже люди высочайшей культуры и мудрости порой не могут совладать со своими эмоциями? Вспомним о великом Толстом. Всю свою жизнь он исследовал человеческую психологию до самых потаенных ее глубин. В то же время известна его ссора с Тургеневым. Разрыв между ними затянулся надолго, а ведь это были родственные души, восхищавшиеся творчеством друг друга!

Недавно мне удалось обнаружить, что Толстой «работал» на Мусоргского. В Ясной Поляне жил В. П. Щегленков, народный сказитель. Лев Николаевич сам с удовольствием слушал и записывал его былины, а позже позаботился о том, чтобы красотой народной речи наслаждался Стасов и его друзья-музыканты. По просьбе Толстого Стасов в Петербурге дважды принимал Щегленкова и устраивал его выступления для композиторов. И обо всех встречах сообщал Толстому. В одном из писем он рассказывал, какую пользу принесла встреча с другим сказителем — Т. Г. Рябининим: «Его главные мотивы не только что записаны и напечатаны, но еще Мусоргский употребил один великолепный — вот уже подлинно архивеликолепный — мотив его в своего «Бориса Годунова». Кабы вы все это знали, кабы все это слышали!».

А слышал ли произведения Мусоргского Толстой? Известно, что у Льва Николаевича пел Шалляпин, боготворивший Мусоргского. Вероятно, его выступление не обошлось без знаменитой «Блохи», которую Федор Иванович пел часто и от которой, как свидетельствует И. А. Бунин, слушатели «ревели от восторга». Репин, близко знавший Толстого, удивлялся: «Боже мой, какая всеобъемлющая душа...» А о Мусоргском, своем большом друге, талант которого глубоко почитал, Илья Ефимович отзывался: «Как восторгаюсь я Модестом Петровичем! Вот так богатырь! Вот так нам!!!». Репин считал, что чуткость, широта и доброта композитора исходят от России, от народа.

Мусоргского называют «живописцем народа». И действительно всю свою недолгую жизнь он жаждал «не познакомиться с народом, а побрататься», жить «его отрадой и его горем и страданием». Не отсюда ли исходит его необыкновенная чуткость и деликатность? Аристократ, потомственный дворянин знатнейшего рода адмиралов и маршалов, рода Рюриков, который начинается от Святого Владимира, Мусоргский в 19 лет снял мундир офицера и стал певцом «униженных и оскорбленных», убогих, обездоленных...

Исследователи личности и творчества композитора мало касались чуткости Мусоргского, а ведь, вероятно, именно в ней надо искать причину пристального внимания Мусоргского к простому человеку. «Исконно русское звучит во всем, что творил Мусоргский», — записал в своем дневнике родственник Модеста Петровича известный художник Н. К. Рерих. А русское — это всеми признанное на земле: доброта, отзывчивость, чуткость, то есть все то, что хотел показать композитор: «Русь-матушку во всю ее простодушную ширь».

Перечитывая редкие библиографические издания, я все же находил свидетельства современников о чуткости Мусоргского. Сестра Глинка Людмила Ивановна Шестакова, хорошо знавшая Модеста Петровича, писала: «С первой встречи меня поразили в нем какая-то особая деликатность и мягкость в обращении: это был человек удивительно хорошо воспитанный и выдержанный». А вот отзыв Н. Н. Римской-Корсаковой: «В разговоре Мусоргский никогда не возвышал голоса, а скорее понижал свою речь...» В 1968 году, когда отмечалось

150-летие со дня рождения И. С. Тургенева, наследники знаменитой французской певицы Полины Виардо передали из семейных архивов для печати около 300 неизвестных писем Тургенева. Они были изданы во Франции тремя книгами. В одном из писем ценные, доселе неизвестные сведения о встрече Тургенева с Мусоргским. Произошла она в 1874 году в Петербурге, в доме знаменитого певца О. А. Петрова. Хозяин дома и хозяйка, тоже певица, исполняли произведения Мусоргского. Аккомпанировал Модест Петрович — большой друг этой семьи. Вот как об этом рассказывает в письме Виардо Тургенев: «Я был ошарашен и тронут до слез... Сам Мусоргский нам сыграл несколько фрагментов из своей оперы, а также из другой, которую он сейчас сочиняет; и это, честное слово, показало мне характерным, интересным! Я начинаю верить в то, что всему этому суждено будущее. С виду Мусоргский напоминает Глинку... Мне он понравился: он очень естествен и невдеречив».

Стасов считал Модеста Петровича самым просвещенным из всех русских композиторов: «Мусоргский особенно отличался любознательностью и живым интересом ко всем отраслям знаний». Конечно, высокая общая культура способствовала сверхделикатности Модеста Петровича. Но, вероятно, сказывалось и наследственное, то, о чем говорили старожилы с родины Мусоргского.

Мне посчастливилось познакомиться и вести переписку с Татьяной Георгиевной Мусоргской, дочерью Георгия Филаретовича — «Гоги», племянника композитора — ему и Татьяне Филаретовне посвящена одна из пьес знаменитой «Детской». С первой встречи меня поразило не столько большое сходство Татьяны Георгиевны с поздними портретами Мусоргского, сколько ее редкая деликатность, скромность, чуткость.

Татьяна Георгиевна рассказывала о своем знаменитом деде, о тетушке Татьяне Филаретовне, «Танюшке», чье имя композитор так же обессмертил пьесой «С куклой», о ее сыне Борисе, сочинившем музыку, о своей матери, отце Георгии Филаретовиче Мусоргском — человеке редкой доброты, отзывчивости, капитане II ранга, а после революции работнике губернских органов здравоохранения. Рассказы Т. Г. Мусоргской — это новые страницы, подтверждающие родословную чуткость Мусоргских.

Мусоргский никогда не поучал, не наставлял, он всегда стремился к беседе, к обоюдному взаимопониманию. Не случайно уже в конце жизни Мусоргский приходит к твердому убеждению: «Искусство — есть средство для беседы с людьми, а не цель».

Деликатная, чуткая беседа Мусоргского, выраженная в музыке, вызывает у людей планеты такое качество, необходимое при любом благополучии и социальном устройстве, как человечность, умение сострадать, мучиться совестью, понимать друг друга...

Николай НОВИКОВ.
Великие Луки.